

Аля Мяун

ЦВЕТOK И ЗВЕРЬ

УДК 82-312.9
ББК 84-445
М99

М99 **Мяун А.**
Цветок и Зверь / Аля Мяун – М.: Литнет, 2025. – 352 с.

ISBN 978-5-521-94648-8

ОН: Девушка моей опасной близости не замечает, не знает, что уже попала в невидимые сети, и целиком в моей власти. Я могу сделать с ней все, что пожелаю. Или пожелать, что бы она сделала все, что захочу.

ОНА: Я узнала, что в Городе есть другие. Темные. Они живут среди нас, живут как мы — учатся, работают, влюбляются, женятся, разводятся... И убивают. Ибо они не люди.?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94648-8

© Литнет, 2025
© А. Мяун, 2025

Не смотри в глаза того, в чьем сердце тьма!

Глава первая

ОН

Человеческое время быстротечно и стремительно, поэтому люди спешат улучшать окружающее их пространство в короткие сроки своих жизней. Каждый раз, прибывая в Город после относительно недолгого отсутствия, нахожусь в прострации, не понимая, где я и куда мне двигаться. Теперешний визит не исключение – улицы, здания, даже тротуары не такие, как в моей памяти. За десять лет, что я здесь не был, многое изменилось до неузнаваемости.

На месте солидных крепких особняков начала двадцатого столетия, построенных, казалось бы, на века, – небоскребы; взамен уютных, заросших сиренью двориков – залитые сплошным асфальтом площадки, где негде укрыться от солнца.

Все новое, чужое, надменное, неприветливое!

От чувства растерянности избавляют старые кварталы, признанные историческими памятниками, которые запрещено сносить и застраивать. Здесь знакомо, привычно, уютно. Узнаю дома, их толстые кирпичные стены, окна с лепными карнизами, большие замшелые деревья в заброшенных парках... И они словно узнают меня, услужливо извлекая из глубин моей памяти образы, приятные и не очень, порой трагичные. Но мои, близкие и родные.

...Медленно иду по трехсотлетнему тротуару, сохранившемуся в своей первозданности, и умиляюсь, думая, что ступаю по своим тогдашним следам...

Сентиментальное настроение прерывается мокрым осенним ветром, принесшим с собой аромат молодого человеческого тела, смешанный с нотками жасмина. Запах едва уловим, скользит и пропадает, но не исчезает из моего восприятия. Он кажется настолько манким и притягательным, что я забываю, за чем шел, и поворачиваю в ту сторону, откуда прилетел ветер.

Быстро пройдя несколько метров и уже отчаявшись снова ощутить пьянящее дуновение, вдруг ловлю его снова и следую по его невидимой дорожке, стараясь больше не упустить, не потерять. Миную несколько кварталов, рыская, как охотничий пес, ведомый инстинктом хищника.

Пейзаж меняется, снова район пестрых новостроек, но теперь это не мешает – есть цель, отвлечь от которой не сможет ничто.

Запах становится все сильнее, гуще и осязаемее, отчего мутится сознание и накатывают волны голода. Значит, двигаюсь в верном направлении и скоро обнаружу источник аромата.

Наконец вижу ЕЕ – стройную фигурку в желтом коротком плаще. Или куртке – плохо разбираюсь в современных женских нарядах. Похоже, ОНА недавно вышла из метро, этого весьма удобного изобретения человечества, и не спеша удаляется от станции, легко скользя в толчее прохожих.

Теперь и я не тороплюсь, медленно следуя за девушкой, источающей благоухание сладостного напитка, представляющего собой мирно текущую по ее венам кровь, которая, судя по запаху, очень вкусная. Иду почти вплотную, чувствуя тепло ее тела, слыша дыхание, стук сердца и шелковой шелест алой жидкости.

Девушка моей опасной близости не замечает, не знает, что уже попала в невидимые сети и что целиком в моей власти. Я могу сделать с ней все, что пожелаю. Или пожелать, чтобы она сделала все, что захочу.

Мы уже связаны, мы единое целое...

Рассматриваю стройную фигурку, облизывая взглядом. Она скрыта плащиком, но того, что вижу, достаточно для моего буйного воображения. Девушка молода, у нее длинные светлые волосы, – именно их жасминный запах переплетается с ароматом крови – собранные в высокий хвост, и стройные ноги, обтянутые черными джинсами. Этого хватает, чтобы мысленно дорисовать остальное: тонкую гибкую талию, плоский живот, небольшие крепкие груди...

И хрупкое горло, с бьющейся синей жилкой артерии.

Смотрю на блондинку и чувствую, как влюбляюсь. В эти мгновения нет ничего и никого в мире важнее и притягательнее, чем она.

Не могу убить ее прямо сейчас, хотя очень хочется. До дурноты, до голодных спазмов в желудке. Не могу... Не моя территория, поэтому нужно получить у Мары разрешение – это ее охотничьи угодья. Или увезти девушку из Города, в ничейные земли.

В любом случае придется ждать, и терпеть.

А пока хочу увидеть лицо выбранной мною жертвы – надеюсь, оно столь же прекрасно, как и тело, как и запах. Не может человек, обладающий таким сладостным ароматом, быть некрасивым!

ОНА

Больше не слышно шума дождя, шуршавшего по крыше и окнам всю ночь. Чтобы убедиться, что он прекратился, отодвигаю штору и смотрю в окно, на мокрый осенний сад.

Да, туманной измороси уже нет. Дорожка, выложенная керамической рыжей плиткой, влажно блестит под неяркими лучами солнца, сумевшими найти прорехи в темно-сизых тучах, затянувших небо. По бокам тропы расположены канавки, которые сейчас наполнены водой с плавающими в ней желтыми листьями и похожими на кровавые пятна темно-красными крупными лепестками цветов, которыми засажен весь сад. Эти растения, чье название не знаю, мне не нравятся – их бутоны толстые, неприятно жирные, а запах сильный, приторный и тошнотворный.

Отвлечшись от созерцания мокрого сада, прислушиваюсь к равномерному стуку дождинок, задержавшихся на крыше и разбивающихся о подоконник. Как обычно, этот звук завораживает – стою, застыв как статуя, и наслаждаюсь.

«Кап... Кап... Кап...»

Капель всегда действует на меня странно – словно пытаюсь вспомнить забытое, и очень приятное, связанное с ее звуком.

На мое плечо ложится большая мужская ладонь.

Стёпка!

Несмотря на богатырское телосложение, Демидов ходит бесшумно, и я не услышала, как он спустился со второго этажа.

Выныриваю из тумана, навеванного ритмом дождинок, и спрашиваю первое, что приходит в голову:

– Как называются эти цветы?

Тороплюсь сказать хоть что-то, пока Степан не заметил моего ступора. Кайфовать от созерцания капли – это странно.

– Не знаю! – пожимает широкими плечами мой жених, смотря на сад голубыми глазами – Это мама велела посадить. Из своего сада взяла.

Кто бы сомневался... Сорокалетний Демидов беспрекословно слушается родителей, и многое в его жизни, его доме и, как выяснилось, в его саду решают они.

Взгляд перемещается на мое лицо. Теплый, ласкающий и заговорщицкий. Краснею, ибо сразу вспоминаю, что и как мы со Степкой делали час назад.

– Твой кофе остыл! – говорит Степан, обнимает, и целует, сильно и нежно.

Степа прижимает меня к горячему, сильному телу. Так близко, что чувствую, даже сквозь одежду, каждый его изгиб, каждую неровность, каждую перекачивающуюся под кожей мышцу...

Хотя мой мужчина всегда готов, неутомим и ненасытен, но сейчас не время. Нам пора на работу!

Степан отстраняется и интересуется хриплым голосом:

– Поля, ты сегодня вечером не занята?

Отвечаю не сразу, успокаивая сбившееся дыхание:

– Вроде нет! – и жду продолжения.

– Мама хочет встретиться – обсудить свадьбу и наши планы на жизнь. Заказан столик в ресторане.

– Правда? – переспрашиваю, замирая от ужаса и восторга.

– Угу! – подтверждает Демидов.

Он сделал мне предложение еще весной, я согласилась, но... Дата свадьбы не назначена, Степан не познакомил меня со своей семьей, и я не знаю, как его родители относятся ко мне и к нашему возможному браку.

От волнения пересыхает во рту, и я отхлебываю остывший кофе.

– Не переживай, все будет хорошо! – произносит Демидов – Мои старики добрые!

– Действительно, не съедят же они меня! – бормочу, пытаюсь успокоиться.

Степан хохочет.

– Не съедят, Полина, не съедят! – соглашается он и продолжает ржать.

Что такого смешного я сказала?

– О! – восклицает Степа, став серьезным и бросив взгляд на дорогие часы, красующиеся на его запястье. – Опаздываем! А это нехорошо, в первый день учебного года!

Киваю и добавляю:

– Особенно декану!

Я преподаю в университете «Историю средних веков», а Степан Егорович Демидов – мой начальник, декан факультета.

– Действительно! – произносит Степа, снова захватывает меня в объятия и снова целует, на этот раз сильно, страстно, даже грубо, с нетерпеливым напором.

Задыхаюсь от натиска и вскрикиваю, хватая ртом воздух, когда Демидов отстраняется – только затем, чтобы стянуть с меня брюки. Пытаюсь сказать, что не надо, что опоздаем, но Степа не позволяет продолжить речь.

Рот Демидова жадно и требовательно терзает мои губы, облизывая, покусывая, забирая их в себя...

Мешают брюки, не снятые до конца, и, словно путы впившиеся в лодыжки.

Степа поворачивает меня спиной, и я едва успеваю упереться о стену.

Демидов наваливается, почти ложится, сминая мое тело, словно хрупкий цветок. Вижу нас в зеркале, висящем на противоположной стене: рыжую растрепанную девушку, и здорового мужика в дорогом костюме, пристроившегося к ней...

Мои ладони скользят по гладкой поверхности стены, цепляясь за нее, чтобы не упасть под тяжестью Демидова. Он удерживает, прижимает меня еще сильнее, впечатывая в меня свое тело; двигается ритмично и мощно; жадно целует и покусывает шею...

Слышу Степин стон, больше похожий на рык хищника...

...Чтобы явиться на работу вовремя, Демидову приходится гнать джип со скоростью выше разрешенной и нарушать правила. В холл универа мы входим за пятнадцать минут до начала первых пар.